

Ангельский чин и световые окна

Серафимы написаны непосредственно над световыми окнами, символизируя и одухотворяя своими образами – зримый и воспринимаемый внешний свет. Световые окна утрачивают единственно утилитарное назначение, но сами становятся образами – иконами света нетварного. Свет естественный, вечереющий, иссякающий, его живая суточная пульсация, угасание и воскресение - становится иконой света невечернего. Над световыми окнами – как живописное увенчание окон – икон, - образы восприятия, созерцания Божественного света – ангельские сущности – серафимы, - смеющие смотреть откровенными глазами, очами – зенницами на свет Божественный. Телесному оку человека это созерцание невыносимо, нам повествуется об этом созерцании – образом в ангельском чине. Над каждым из окон написан серафим. Четыре окна – четыре серафима над ними. Всмотримся в лик серафима над западным окном, - световые окна расположены точно по сторонам света. Свет – по сторонам света. Западное окно – отсюда проистекает свет от запада – заката Солнца, дневного светила, клонящегося к за-паду, за-кату, светила, глядящего в своём заходе в сторону вос-течения, вос-тока. Подобно этому преклонению Солнца – несколько преклонён лик серафима – вниз, долу, к земле, к нам. Чувственные губы, утончённые очертания носа и, внезапно, несколько противоестественно и экспрессивно – вскинутые ввысь глаза. Глазницы огне-зрачного Серафима буквально вырываются из удерживающих их белков глаз, - устремлены к Солнцу Правды – к Спасителю. Этот диссонанс был пред-уведан, восчувствован автором, - безусловно так: искра, возсиявшая от увиденного клонящегося к западу Солнца и пред-уведанного – грядущего востечения, взгляда, вскинутого, воз-метённого к этому грядущему востоку, Востоку – востоков. В прочих ликах Серафимов не обнаружим подобного выражения. Повторим, не для восчувствования, не для восприятия этой живописной экспрессии создан здесь этот не столь уж крупный образ, несущий в себе замеченное нами здесь содержание. Экспрессивные белильные движки – всплески – не являются здесь доминирующими, но явленный живописью эмоциональный всплеск опускающегося лица и взметнувшихся очес... - вот, как создан здесь удивительный и пре-дивный образ созерцания Бога: склоняющееся лицо и дерзновенное устремление... преклоняющаяся тварь, дерзающая устремиться к Творцу, дерзающая видеть Его сквозь просвет разошедшихся крыльев естества ангельского. Жаждут видеть глаза серафима, жаждет видеть Бога всё его естество, - это естественное свойство ангельской природы – созерцание Бога. И столь же естественно природе ангельской смиренно-ведение, о-знаменованное опускающимся ликом, смиренно преклоняющим-ся пред величием Господа. Но чистота ангельских первотварных сил – позволяет излиться этому дерзновению взгляда, следующему за естественным природным желанием – видеть Творца. Желанием восполнена чистота, желанием обусловлено дерзновение – и вскинуты очи, созерцающие Бога. Как бы исподлобья, - но широко раскрыты глаза, устремлённые к Солнцу Правды, не обжигающему их. Вот так мыслит, так из-ображает зело дивный мастер и зело хитрый философ.